

Глумление

Мои товарищи - историки, создатели Томского музея жертв сталинских репрессий, познакомили меня в 1991 году с интереснейшим человеком.

Высокий, подтянутый красивый старик с зачёсанными назад густыми волосами и мудрым уставшим взглядом. Харбинец, эмигрант и сын эмигранта Успенский Георгий Михайлович. Увлечательно и интересно было с ним беседовать. Друзья мне говорили: «Как Успенскому нравится с тобой разговаривать, у него даже глаза загораются. А то придут активисты «Мемориала», и одно и то же ему - а как он в «Озерлаге» сидел, а как там над ним и его товарищами по несчастью бериевская охрана измывалась. Простого не понимают - больно ему это ворошить».

Мне же он рассказывал о жизни в эмиграции, о быте, взаимоотношении, политической жизни, настроениях выкинутых на чужбину людей, о китайцах и японцах. Показал татуировку на предплечье левой руки - во время войны русские парни делали это специально, чтобы японцы не забрали в свою разведшколу, с характерными татуировками в шпионы не брали. Видел и наблюдал верхушку белой эмиграции в Манчжурии. Кстати, весьма уважительно отзывался о Константине Родзаевском, лидере Всероссийской фашистской партии. Он же мне объяснил, что атаманом забайкальцев в эмиграции был Бакшеев, а Семёнов был атаманом всех казаков - эмигрантов Дальнего Востока. «У Григория Михайловича конезавод был, в ста километрах севернее Харбина, а он растолстел - двое казаков его в седло сажали» - увлечённо рассказывал он мне.

Сын штабс - капитана Императорской армии, он отлично знал офицерскую среду. Когда он был мальчишкой, отец был арестован китайской администрацией и посажен в тюрьму. От смерти в тюрьме его спас сидевший там же адъютант бывшего командующего отдельной Семиреченской армией небезвестного генерала Анненкова. После того как оба освободились, отец устроил адъютанту благодарственный ужин, как было положено у офицеров. Пили вино, закусывали, курили, степенно беседовали. Кадровые офицеры старой Императорской армии заметно отличались от прапорщиков военного времени, хотя и среди прапорщиков были те, кто старался проникнуться духом корпоративности и кастовости старого русского офицерства, объяснял он мне. Ну а произведённые в «офицера» во время гражданской войны любимчики различных атаманов и командующих разительно отличались от настоящих офицеров и даже от прапорщиков военного времени и воспринимались в эмигрантском обществе как нечто несуразное и оскорбляющее имя и честь русского офицера. Офицеры соблюдали своеобразный этикет и придерживались неписаного кодекса офицерского поведения. Например, нормы взаимоотношения офицеров он продемонстрировал с помощью простого спичечного коробка. Выдвинув спички из него наполовину, Георгий Михайлович протянул коробок мне: «Вот так офицер давал прикурить, если его просил товарищ. Если просто подать коробок, это пренебрежение к товарищу. А если он чиркал спичку и протягивал её зажжённую, то уже холуйство. Только так в офицерской среде равный давал прикурить равному».

В царствование Николая I Петербург всколыхнул следующий случай. Хоронили гвардейского офицера. Самоубийцу. Но хоронили с почестями, за гробом шла вся гвардия, и шла почему - то на удалении нескольких десятков метров. Непосредственно за траурным лафетом шёл лишь один молодой гвардейский офицер. Это был цесаревич Александр, будущий император Александр II. Накануне он оскорбил покойного, и так как оскорблённый не мог по неписаному офицерскому кодексу вызвать наследника императорской короны на дуэль, то он, дабы смыть позор неотомщённого оскорбления, вынужден был застрелиться. В назидание, чтобы цесаревич понял, что офицерская честь не игрушка и чтобы он понял всю подлость своего поступка, царствующий монарх таким действенным методом наказал наследника и показал ему, как надо вести себя в офицерском обществе офицеру. А как бы офицеры старой императорской армии, ладно уж гвардия, отреагировали на людей, значительная часть которых абсолютно лишена воинской выправки и совсем не умеет носить

форму, но украшенных галунными офицерскими погонами и увешанных, как африканские диктаторы, символизирующими невесть за что полученные ордена блестящими разномастными побрякушками? Стоит группа таких героев на крыльце здания, где они проводят судьбоносное совещание, и курят. А заодно матерятся, для связки слов. А иногда и не для связки, отношения выясняют. А мимо идут женщины, дети. Ну и пусть себе идут, плевать.

Это одна сторона игрушечной медали современного «возрождённого казачества». Другая сторона - «господа казачьи офицера», не снимая погон, поют и пляшут, наявивая при этом на сугубо офицерских музыкальных инструментах - балалайках и гармошках. Яркий тому показатель - Кубанский казачий хор. Нет, артисты там одеты опрятно и нарядно. Но - у певцов хора плечи отливают серебром полковничьих погон. Музыканты рангом пониже, всего лишь все как один есаулы. Конечно понимаешь, что это современные краснодарские казаки; кубанцы - братики того старинного, до семнадцатого года хора, пели в специальных исторических костюмах и на выступления не надевали даже погонов нижних чинов, но всё равно неприятно. А как выступают представители самодеятельности различных казачьих обществ! Включишь телепередачу «Играй, гармонь!» - «господа офицера» появляются на экране практически в каждом, зачастую даже весьма неожиданном для проживания казаков регионе и браво трясут криво обрезанными и косо сшитыми «а - ля поручик Голицин» списанными советскими командирскими портупьями. Ни одна ярмарка, ни одно народное гулянье не обходятся нынче без казачьей самодеятельности. А ещё есть и казачьи фестивали! И распевают на них удалые песни батьки - атаманы и их лихие братья - есаулы и братья - хорунжие, наряженные в дурно пошитые гимнастёрки с расстёгнутыми пуговицами, кособокие кителя с кривыми не сходящимися воротниками и в имитирующие черкески узкополые разлетайки. А что, разве казачьи офицеры Императорской армии не пели и не плясали? За примером можно обратиться к уникальным воспоминаниям офицера 1-го Кавказского полка Кубанского войска, а затем и офицера Добровольческой армии Фёдора Ивановича Елисеева. Да, пели и плясали, но в своей офицерской среде, на офицерских корпоративных вечеринках и под аккомпанемент полковых музыкантов, а не наявивали сами на гармошке. Невозможно воздержаться и не привести целиком одну главу из его книги «Казаки на Кавказском фронте», благо она небольшая. Здесь и о том, что могли позволить себе на отдыхе офицеры — фронтовики, о взаимоотношениях в офицерской среде, о субординации, о братстве офицеров различных казачьих войск:

НА ОТДЫХ, В РОССИЮ. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Наш полк в Хасан-кале. Ему дана дневка. На другой день сюда подошла Сибирская отдельная казачья бригада. Такая приятная встреча...

На санитарном пункте устроен бал. Как не пойти туда?.. И не потанцевать, помяться с сестрами милосердия?!

Вся наша молодежь там. Офицеры-сибирцы держатся скромно и отдельно. Крупные, кряжистые, в красных лампасах на бриджах, со шпорами - они чувствовали себя здесь гостями из далекой своей Сибири, с берегов Иртыша, почему и держались скромно, как бы замкнуто. Сверстники же, как и все сверстники всех военных училищ, конечно были общительны между собой, веселы и радостны.

Вот и крутые горы Караурган. Быстрая речка, извиваясь по ущелью, сечет границу своим течением между Россией и Турцией. Теперь это глубокий тыл. Фронт же - за 300 верст отсюда.

Прощай, Турция! Прощай, жестокий, холодный, голодный и каменисто-гористый этот край, который, как оказалось, мы больше не увидим...

Прощайте, братья-казаки 1-го Кавказского полка, погибшие геройской смертью этих далеких трущобах и похороненные навеки там...

Прощайте... не увидят вас, родных, сгорбленные от семейного горя старушки матери, с вечно заплаканными глазами... как не увидят вас суровые седобородые отцы казаки, пославшие вас умирать за свое Великое Отечество...

Прощайте... Умрут все - и ваши жены-вдовицы, и ваши матери-старушки, и ваши отцы-бородачи, как умрем и мы, ваши соратники и командиры.

И только скрижали истории родного вам 1-го Кавказского полка сохранят о вас память всему войсковому потомству...

Вот и Сарыкамьш. Это уже Россия. Русский далекий городок. Вокзал. Самый далекий железнодорожный вокзал России на Кавказе, а от него идет единственная ветка на Каре, Александрополь, дальше на Тифлис, а через него - и на нашу Кубань...

На ночлег полк стал биваком за городом. Сделав все распоряжения по полку, по сотням, дав полную волю отдыха казакам, все офицеры полка на лошадях двинулись в гостиницу “Москва” на общий дружеский обед. Всевозможная овощная закуска, водка, борщ... Самый настоящий наш казачий борщ с помидорами был главным блюдом нашего стола.

К концу обеда совершенно неожиданно вошел к нам подьесаул Коля Бабиев. В нашем полку все его очень любили и считали как бы “своим”. Он возвращался в свой 1-й Лабинский полк из Карса и был особенно весел, возбужденно весел и чем-то счастлив (тогда никто из нас не знал, что он по суду разжалован в рядовые и потом помилован; вот почему он и был возбужденно весел).

Офицерский обед закончен. Все есаулы и войсковые старшины с командиром полка “отбыли отдыхать”, а мы, молодежь, сплошные подьесаулы и сотники, с веселым и молодецким Колей Бабиевым остались “продолжать”...

Вдруг открывается дверь и входит большая группа офицеров Сибирской казачьей бригады пообедать. Впереди есаулы - кряжистые, спокойные, но с сознанием своей боевой и войсковой ценности. По воинскому уставу и воинской этике мы встали и отдали честь. Когда ушли наши старшие офицеры, мы, как поклонники наших кавказских горцев, надели папахи, хотя и продолжали еще есть и пить. Это тогда считалось “очень по-кавказски”, что особенно всегда любил Бабиев.

Офицеры Сибирской бригады обедают с водкой. Тихо говорят между собой. Постепенно они начинают “веселеть”. Столовая гостиницы небольшая, и наши столы находятся один от другого лишь в нескольких шагах.

Присутствие за столом у сибирцев маститых есаулов стесняет нас в “нашем веселии”. Всегда горячий “на все” Бабиев в особенности это чувствует. И хотя он среди нас “старший подьесаул”, но он - наш гость и не он распоряжается за

столом. Он тихо говорит мне: “Как бы это соединиться с сибиряками?”

Но мне уже подмаргивали сибиряки, сверстники по училищу, которым, видимо, очень хотелось поближе познакомиться с характером кубанских казаков, а для этого “надо быть вместе, за одним столом”.

Полковой адъютант всегда имеет право инициативы. И она проявлена.

- Господа офицеры! Гора с горой не сходятся, но казаки... казаки всегда должны быть вместе! — сказал я громко, встав на ноги. — А посему оба казачьих стола - Сибирский и Кавказский – должны быть вместе! - уже громко произнес я, обращаясь лицом к сибирским казакам-офицерам.

И едва произнеслись эти слова, как оба стола, один - занятый казаками в черкесках, а другой - казаками в широких красных лампасах на темно-синих бриджах, шумно приподнялись и... слились воедино - живо, весело, дружески. Вот тут-то все и началось... Да и как было не начаться... Мы ведь были одинаковы единым казачьим духом, помыслами, единым бытом, психологией, что определяется словами - Казачье Братство.

Вино лилось... шли тост за тостом. Казалось, им не будет конца! Бабиев стал тяготиться и тостами, и вином, и бездеятельностью. Без песен и без лезгинки веселье не было для него весельем. В таких случаях он должен двигаться, петь песни строевые, танцевать лезгинку. Но он отлично знает, что он здесь гость и распоряжаться не может. Мы сидим с ним рядом. Толкая меня в бок, он тихо говорит:

- Давай, Джембулат, вдарим лезгинку с тобой, чтобы показать ее сибирякам... Но ты выскакивай первым, а потом приглашай меня... и мы пойдем на пару.

- Якши-йол, мой старший брат Хаджи-Мурат, - отвечаю ему и тут же выкрикиваю единственное слово нашим полковым трубачам: - Лезгинку!

Не буду описывать, как мы провели ее с Бабиевым. Хлопанье в ладоши, выкрики, дикий “бум” заразили сибирских казаков.

- Казачка-а!.. Казачка-а! - закричали сибиряки.

И понеслись они по очереди по два в свой танец, выбивая такт, притопывая и переходя вприсядку. Некоторые из них танцевали хорошо, но, одетые в бриджи, в сапогах, при шпорах, они не дали впечатления разгульного, широкого казачьего танца.

Ревнивый, самолюбивый, задорный Бабиев не утерпел... Он уже подоткнул полы черкески за пояс, бросил свою небольшую папаху на затылок, засучил рукава черкески и своим вызывающим видом и красными широкими диагоналевыми бриджами с серебряным галуном просился “в бой казачьих танцев”...

Незабываемая встреча. Жаль, что подобных не было раньше - до боев или в боях. Это сильно сближает людей и толкает их на подвиги, на жертвы, на взаимную выручку, на поддержку и ... на смерть.

С сибирскими казаками-офицерами мы расстались исключительно сердечно. Расстались - и больше уже с ними не встречались никогда. И так было жаль, что это случилось так поздно и так коротко.

Прощай навсегда, Сибирская отдельная казачья бригада, возглавляемая тогда редкостно храбрым воином генералом Раддацем.

В другой главе автор напрямую говорит, допустимо ли было офицеру выступать на сцене. Шла страшная война, требовалась разрядка, августейший зритель принял происшедшее благосклонно. Но могло и быть иначе. Вот цитаты из этой главы:

КОНЦЕРТ ПОХОДНОМУ АТАМАНУ

Выше было описано прибытие в Карс Походного атамана всех Казачьих войск великого князя Бориса Владимировича. На второй день после смотра все офицеры гарнизона Карса и нашей дивизии дали ему ответный ужин с концертной программой казаков.

Накануне Мистулов спросил меня:

- Можно ли приготовить хор песенников? И вообще, чем можно будет порадовать князя во время ужина?

...Офицеры полка пели хорошо. Молодежь же - в особенности. Собрав подьесаулов-сверстников Кулабухова, Некрасова, Леурду, Винникова, Поволоцкого и сотника Бабаева, я передал им пожелание командира полка.

...Пение окончено. Как условились, наш полковой хор трубачей немедленно же рванул "казачок", и, одна пара сменяя другую, понеслись казаки в свой станичный пляс.

Мы, два офицера, танцевали его поодиночке и со многими "присядками". Владимир Николаевич Кулабухов в особенности хорошо, легко и стильно делал "присядки".

Гром восторженных аплодисментов оглушил весь просторный зал офицерского гарнизонного собрания, и... занавес закрылся.

...На второй день, как всегда, я пришел с бумагами на доклад к командиру полка в его квартиру. Подав руку и не принимая бумаг, он вдруг говорит мне с какой-то лукавой улыбкой:

— Знаете, Федор Иванович, ваш концерт едва не стоил мне очень дорого... И я вас спас вчера.

Я слушаю и не понимаю. Молниеносно пронеслось в голове, что великий князь, видимо, сделал строгое замечание ему, что "в его полку офицеры выступили на сцене как простые казаки".

В императорский период времени это строго запрещалось по уставу. Все воинские чины не имеют права выступать в общественных местах с речами, на

сцене и прочее...

И вдруг в 1-м Кавказском полку, да еще на банкете в честь Походного атамана и великого князя офицеры поют и танцуют на сцене, да еще в кругу своих же нижних чинов.

Такие нездоровые мысли пронеслись в моей голове. К тому же ведь все это организовал его адъютант. “И как это мы, молодежь - подьесаулы, советуясь предварительно, не подумали об этом?” -несется в моей голове. И мне стало немного не по себе, что я так подвел своего командира. Он увидел мое смущение и уже весело продолжал:

Но не бойтесь... все прошло хорошо. А спас я вас вот от чего. Великий князь спросил меня: “Это ваш адъютант?” Я ответил утвердительно. И вдруг князь спрашивает: “А не уступите ли вы его в мой штаб?”

В далёкие теперь уже шестидесятые годы геологи обнаружили по — над берегом таёжной реки Васюган, текущей посреди самых больших в мире болот, завалившуюся землянку. Раскопали её. В землянке два скелета в истлевших шинелях, две винтовки. На шинелях - офицерские погоны. Как попали белые офицеры в самое сердце малопроходимых и гнилых, имевших редкие хантыйские заимки Васюганских болот после поражения белых армий, загадка. Но погон они не сняли, хотя вроде бы и смысла их ношения в одиночестве, в дикой тайге не было. Погоны были для них не просто двумя полосками на плечах, а нечто святое, сакральное, делавшее их частью Русского офицерского корпуса, их принадлежностью к офицерскому товариществу, верному присяге, чести и Родине.

Напрашивается вопрос - а как создать в современных условиях офицерский казачий корпус? Начинать надо с элементарного. Казачий офицер в обязательном порядке иметь офицерский патент либо быть отставным офицером силовых ведомств. Казаки с высшим образованием должны пройти курсы по подготовке офицеров запаса. Каждый офицер должен иметь реальное представление о строевой подготовке и правилах ношения форменной одежды. И крайне необходимо создать кодекс поведения казачьего офицера и следовать ему. И строжайше, в законодательном порядке запретить ношение любых погон всем, кроме казаков реестровых обществ и, при определённых условиях, Союзом казаков России. А иначе нечего обижаться на то, что публика нынешних «казачьих офицеров» воспринимает только как ряженных чудаков, и не более того.